

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ЭРЗЯНСКИХ ПРИЧИТАНИЙ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА

ВАГАНОВА Елена Николаевна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), waganowa@mail.ru*

Введение. Проблему постижения феномена похоронно-поминальных причитаний, в частности через исследование языка фольклора, следует признать одной из наиболее актуальных по той причине, что язык фольклора – это подлинный хранитель информации об истории, этнографии, верованиях, обрядах, национальной психологии и поведении, человеческих ценностях. Объект исследования – тексты причитаний похоронно-поминального цикла; предмет – наиболее выразительные поэтические средства, привычный круг поэтических образов эрзянских похоронных причитаний с учетом этнографического контекста. Цели работы составляют исследование поэтических особенностей похоронно-поминальных причитаний мордвы-эрзи, отдельных поэтических и стилистических приемов, образных средств, изучение семантики глаголов, связанных с плачевой культурой. Материалы и выводы могут быть использованы при подготовке учебных курсов устного народного творчества, поэтики.

Материалы и методы. Исследование совмещает методы описания и сопоставительного анализа. Базой эмпирического материала послужили авторитетные фольклорные собрания, обладающие исключительной историко-культурной и научной ценностью, заимствованные из устно-поэтического творчества мордовского народа.

Результаты исследования и их обсуждение. Предпринимается попытка выявить наиболее типичные глаголы, связанные с плачевой культурой, преобладающие в данной области как разновидности фольклорно-языковой картины мира. Привлекаемые для анализа фольклорные произведения, несомненно, служат неоспоримой доказательной базой для постижения ментальности мордовского этноса и выявления базовых констант эрзянской культуры, так как именно они сохранили следы исчезнувших из нашего сознания явлений жизни и культуры и выступают «исповедью народа».

Заключение. В поэтическом строе причитаний мордвы-эрзи с особой силой проявляется поэтический дар народа, что находит отражение в глаголах, указывающих на особую форму звукового поведения (*лайшемс, авардемс, лажамс, кукордомс*), парных синонимах (*лайшемс-авардемс*), синонимических и тавтологических сочетаниях, в образах птиц и растительных символах, метафорических заменах (*вечной тарка* «вечное житье», *вечной эрямо* «вечная жизнь», *вечной кудо* «вечный дом»).

Ключевые слова: похоронные причитания; мордва-эрзя; фольклор; духовная культура мордовского народа; изобразительно-выразительные средства; метафора; эпитет; антитеза; сравнение.

Для цитирования: Ваганова Е. Н. Поэтический язык эрзянских причитаний похоронно-поминального цикла // Финно-угорский мир. 2017. № 2. С. 111–122.

Введение

Причитания занимают важное место в духовной культуре мордовского народа. В фольклорной традиции причитания как единый жанр лироэпической поэзии принято классифицировать на три разновидности: свадебные, похоронные (обрядовые) и бытовые (необрядовые), включая рекрутские и многие другие, которые сочинялись и импровизировались в различных бедственных, трагических, горестных ситуациях семейной и общественной жизни. Последние исполнялись без особой обрядовой обстановки и были вызваны потребностью выплакать наболевшее в случае неурожая, пожара, разорения, болезни. Так, в свадебных причитаниях невеста выражает переживания относительно

но окончания вольной девичьей жизни, в рекрутских – разлука родных с уходящим на войну или военную службу и выпадавшим из крестьянского социума на долгие годы осмысляется как «похороны при жизни». Проводы рекрута из семьи почти всегда оборачивались потерей работника, а часто и главного кормильца. В похоронных причитаниях, наиболее древних в народной обрядовой поэзии, вербализирована скорбь по усопшему. Они уходят в глубь веков, связаны с магической верой в способность умерших покровительствовать или вредить оставшимся на земле родственникам. Таким образом, причитания возникли на основе переживания человеком каких-либо драматических собы-

тий и исполняются в переломные моменты его жизни.

Эрзянская похоронно-обрядовая поэзия представляет собой богатейший пласт народно-поэтического творчества мордвы. Обращение к причитаниям актуально в плане изучения языка фольклора как средства постижения этнической ментальности. Данная статья посвящена краткому описанию погребального обряда, исследованию поэтических особенностей похоронных причитаний мордвы-эрзи, отдельных поэтических и стилистических приемов, образных средств, изучению семантики глаголов, связанных с плачевой культурой и передающих эмоциональное состояние плакальщицы.

Обзор литературы

Теоретико-методологической базой данного исследования послужили работы ведущих отечественных и зарубежных ученых: М. Д. Алексеевского, А. К. Байбурина, Л. Г. Невской, С. В. Николаевой, И. И. Толстого, С. М. Толстой, У. Харвы, Л. Хонко, К. В. Чистова. Высокие поэтические достоинства причитаний финно-угорских народов привлекали внимание А. Г. Борисова, Л. С. Кавтаськина, А. Каллио, У. Конкка, Э. Киуру, П. Лейно, А. К. Микушева, Ф. М. Плисовского, К. Самородова, А. Степановой, М. Хаавио, Л. Хонко. Признанный классик отечественной фольклористики, автор многих теоретических работ о причитаниях, К. В. Чистов, выделяет отдельный ареал, охватывающий ряд финно-угорских народов, и высказывает мнение о развитости этого жанра у карел, мордвы, коми, вепсов, ижорцев и эстонцев-сету: «Мордовская традиция причети так сильна и развита, что даже невооруженным глазом видно, что она в целом, как и карельская, архаичнее русской» [18, 198]. Большое значение не только для исследования причитаний, но и для мордовской фольклористики в целом имеет диссертация Н. Ермакова, которая посвящена похоронным и поминальным причитаниям в структуре современной поминальной обрядности на примере сел Ардатовского района Республики Мордовия [6]. Поэтическая лекси-

ка мокша-мордовских похоронных причитаний рассматривается в работе С. В. Богданкиной [3]. Издавались специальные сборники похоронных и свадебных причитаний И. Касьяновой, М. Чувашева.

Мордовская плачевая культура имеет богатые традиции, но, к великому сожалению, утрачивается и постепенно исчезает из быта народа. Причитания-плачи являются наименее изученным жанром мордовского фольклора, хотя отдельные исследования в этой области проводились Е. Н. Вагановой, Л. Ю. Евтихиевой, О. В. Евтушенко, В. И. Рогачевым, В. И. Цыганковой, Л. Н. Шамовой, А. Д. Шуляевым [4; 13; 19]. Мордовские причитания и обряды похоронно-поминального цикла не раз становились объектом научных изысканий К. В. Чистова, К. Самородова, Л. Кавтаськина, М. Г. Имярекова, В. И. Рогачева, Г. А. Корнишиной, Е. Н. Вагановой, И. И. Шеяновой, Н. В. Леоновой, П. С. Шахова, однако в литературе последних лет не нашла должного освещения образная система языка плачей. Эта проблема требует дальнейшего изучения. Настоящая статья отчасти восполняет этот пробел. Впервые предпринимается попытка на базе эрзянских причитаний похоронно-поминального цикла выявить наиболее типичные глаголы, связанные с плачевой культурой, преобладающие в данной области как разновидности фольклорно-языковой картины мира.

Материалы и методы

Исследование сочетает методы описания и сопоставительного анализа. Источником материалов для анализа послужили образцы текстов причитаний, заимствованные из устно-поэтического творчества мордовского народа [17].

Результаты исследования и их обсуждение

В фольклористике выделяются причитания, связанные с семейными обрядами (погребальные, свадебные, рекрутские), окказиональные, пародийные. В основе классификации похоронно-поминальных причитаний может лежать пространственный признак (похоронные, надгробные,

надмогильные). В отечественной фольклористике данным вопросом занимались в разные периоды М. Д. Алексеевский, Е. В. Барсов, Ю. Б. Фишков, К. В. Чистов.

В научной литературе различают два основных вида причитаний: похоронные и поминальные, граница между которыми условна. М. Д. Алексеевский придает проблеме систематизации решающее значение, отмечая в похоронных плачах момент импровизации, повышенную эмоциональность, неровный синтаксис [1]. В них присутствуют характерное упоминание тех или иных обстоятельств жизни и смерти покойника, оценка его личных качеств, рефлексия вопленицы по поводу своей тяжелой судьбы. Поминальные причитания в значительно большей степени клишированные, спокойные, обезличенные, отличаются отсутствием биографических подробностей усопшего. Каждый из двух рассмотренных видов разбивается на более мелкие группы, которые соотносятся с определенными композиционными звеньями обряда.

По мнению известного мордовского фольклориста Л. С. Кавтаськина, похоронные, рекрутские и необрядовые причитания у эрзи и мокши объединяются терминами *лайшемат*, *явсемат* (*ольксемат*), а для свадебных причитаний существуют особые названия *урнемат* (э.) или *аварькиншемат* (м.) [7, 6]. Таким образом, даже на терминологическом уровне проявляется разница между похоронными и свадебными причитаниями, которые по содержанию и эмоциональной тональности оказываются прямо противоположны друг другу.

Причет рассматривается как один из древнейших поэтических жанров семейно-обрядовой поэзии. Традиция причитывания соотносится с двумя главными обрядовыми комплексами: похоронно-поминальным и свадебным. Об этом свидетельствует высказывание карельской исследовательницы У. С. Конки о том, что обрядовые причитания никогда не исполняются вне ритуала [8, 5]. Смысл и значение плачей раскрываются в контексте похоронно-поминального или свадебного обряда, так как именно обря-

довая сущность определяет содержание причета. В отличие от свадебных погребальные обряды более консервативны, поскольку «...отражают медленно изменявшиеся представления о смерти и взаимоотношениях живых и умерших» [9, 661].

Плачи являются важным структурным элементом похоронно-поминального обряда. Они характеризуются эмоциональностью. Они характеризуются эмоциональностью, наполнены глубокой тоской и горечью. Причитывание было так же обязательно, как и соблюдение всех традиционных деталей обряда. Считается, что нарушения, вносимые смертью в социум, восстанавливаются погребальным обрядом, цель которого состоит в разъединении сфер жизни и смерти.

В многогранную концепцию погребального обряда включается цикл обрядов, обычаев, запретов и других действий, совершаемых последовательно с момента смерти человека до его погребения или до того момента, когда душа покойного переселится в иной мир. В процессе исполнения обряда меняется статус человека: происходят его превращение из принадлежащего социуму в чужого, из «живого» в «мертвого», переход в потусторонний мир. Кончина, момент расставания души с телом, требует специального обрядового оформления, без которого переход души затруднен или невозможен и она обрекается на вечное скитание. Совершаемый над умершим погребальный обряд (обмывание, облачение, отпевание, оплакивание, предание земле, поминание, траур) защищает живых от последствий соприкосновения со смертью.

Причитание интерпретируется учеными как «ритуальная речь со слезами» [5], «язык сакрального общения» с усопшими [23], ритуальный и обрядовый текст [10] или как обрядовые плачи [8]. В причетах «...наиболее полно и образно воплотились мифологические представления, прежде всего те из них, которые принадлежат области народной космогонии. Это свойство во многом обусловлено принадлежностью жанра к обрядам переходного типа» [5, 15]. Мордовские плачи относятся к архаической традиции и служат богатейшим ис-

точником познания древних верований, народных дохристианских убеждений о смерти, жизни после смерти и загробном мире. Плачи различаются по времени подготовки к обряду погребения, например плач при оповещении о смерти; соседей и дальних родственников в процессе обмывания тела умершего и его одевания; всех, кто пришел почтить память усопшего; родных и близких, когда кладут тело в гроб; во время выноса гроба из дома; близких родственников в ходе прощания у могилы.

Истоки жанра причитаний-плачей находятся в глубокой древности, покоясь на примитивных, но весьма прочных формах культа покойников, который, как и связанные с ним обряды, восходит к первобытно-общинной эпохе. Причитания имели повсеместное распространение у мордвы вплоть до XX в. Однако письменные свидетельства этой традиции не сохранились ввиду отсутствия у мордвы до 1917 г. письменности, а также в связи со специфичностью традиционного языка плачей, их мифопоэтической изобразительностью, трудностью записывания, поскольку они отличаются индивидуальным и импровизированным характером и, как правило, не фиксируются в момент естественного бытования.

Плачи, словесно оформляющие обряд, считаются преимущественно женской поэзией, поскольку именно женщинам принадлежит ведущая роль во всех семейных обрядах. Они считаются основными носителями и хранителями мордовских плачей. В одном из причитаний дочь, оплакивая мать, вспоминает ее предсмертную волю: *Монь сэринем лажсак. / Кулы сэресь лайшемс зряви. / Тейтерень трямга аванть лайшемс зряви, / Апак лайше а лади.* «Надо мной ты причитывай! / По умершей надо причитывать, / За то, что дочь воспитала, надо оплакивать. / Не причитывать – неприятно!» [17, 96]. Искусству причитывания учились с раннего детства. В поминальные дни девочки ходили на кладбище и слушали, как вопят умелые плакальщицы у изголовья умершего горестные похоронные причитания вплоть до погребения.

Обряд похорон свято соблюдался в народной среде и сопровождался оплакиванием. Порядок действий имел строгий регламент и бережно передавался из рода в род, что способствовало сохранению исторической памяти, осуществлению связи поколений. В отличие от других обрядов жизненного цикла похоронные были направлены на обеспечение «благополучия» в загробном мире и, как следствие, обретенное благополучие оставшимися жить. Выполнение моральной обязанности по отношению к умершему контролировалось общественным мнением, поскольку причитания исполнялись «на миру», при большом стечении народа. Тех, кто не причитывал на похоронах, осуждали.

Профессор Казанского университета Н. И. Смирнов описал похоронные и поминальные обряды мордвы, ее воззрения на смерть в этнографическом труде «Мордва», вышедшем в 1895 г. в Казани. Недостаток в монографии вербальных поэтических произведений, сопровождавших обряды, был частично восполнен финским ученым Х. Паасоненом и русским академиком А. А. Шахматовым. Записи устной народной поэзии, выполненные видными отечественными и зарубежными исследователями, с течением времени становятся бесценными, поскольку произведения в пору довольно интенсивного бытования традиционных обрядов. Научный интерес к мордовским причитаниям как особому жанру народно-поэтического творчества проявлял мордовский просветитель, неутомимый собиратель М. Е. Евсевьев, знавший психологию этноса и тонкости быта, которые постороннему наблюдателю далеко не всегда удастся заметить. Работа по пополнению фонда плачей-причитаний была продолжена Л. Кавтаськиным, Д. Кеняевым, Т. Тальшкиной, Е. Кривошеевой и Ф. Беззубовой.

Похоронные причитания у изголовья покойника представляют собой не просто горестные излияния дум и ощущений в поэтической форме, связанные с потерей родных и близких, не только ритуальное оформление естественного человеческого состояния горя, печали, тоски при прощании с умершими, это, скорее все-

го, способ и форма общения между сферой людей и потусторонним миром предков [2; 16]. Вера в загробную жизнь и взаимосвязь живых и мертвых способствовала возникновению культа предков, который считался центральным элементом ранних религиозных воззрений. Об этом свидетельствуют соответствующие обряды мордвы, подробно описанные У. Харвой [21]. В отдельных плачах отразилось представление о продолжении жизни на том свете. Все почести, оказываемые покойнику с момента его смерти, служат выражением древнего культа мертвых. Тесная связь мордвы с усопшими проявлялась в постоянных актах поминовения и совместных трапезах, в умиловивлении предков. Практически во всех жизненных ситуациях личность и род апеллировали к покойникам, например, обращаясь к ним в причитаниях, просили о помощи и покровительстве. У. Харва отмечал, что усопшие могут общаться с живыми через сны, информируя их о желаниях и просьбах [22, 72]. Усопшие находились на страже морали и обычаев, их авторитетом поддерживался общественный порядок.

Текст, исполнявшийся во время совершения обряда, не только передавался словами, но и сопровождался мимикой, жестами, воплями и криками. В народной среде существует множество глаголов, которые связаны с плачевой культурой и обозначают различную степень драматического проявления эмоций в плачах. Они отличаются многообразием и глубиной выражения чувств и внутреннего состояния. Интонация плача передает субъективные переживания причетницы. Это своего рода исповедь миру.

В эрзянских похоронных причитаниях нашли отражение глагольные формы, указывающие на особое звуковое поведение: *лайшемс*, *авардемс*, *лажамс*, *кукордомс*. Эрзянско-русский словарь трактует глагол *лайшемс* следующим образом: 1) оплакивать, причитать; 2) плакать в голос, рыдать [20, 327], т. е. в его значении присутствуют семы: «душевное напряжение», «боль», «горе», «слеза», «громкий звук», «напев». Плакальщица выражает скорбь по поводу смерти, проливает слезы, может изда-

вать при этом громкие нечленораздельные звуки. В словарной статье к понятию *авардемс* приводятся такие варианты значений: 1) плакать; 2) печалиться; 3) жаловаться, сетовать [20, 30]. Исходя из лексикографического представления по степени силы проявления эмоций, глагол *авардемс* уступает глаголу *лайшемс*. Плач печальный, жалобный, может иногда сопровождаться сетованием на тяжелую долю. Однако в русско-эрзянском словаре находим, что русскому «рыдать – плакать навзрыд» наряду со значениями *ниреждемс* «всхлипывать», *урнемс* «плакать, причитать о невесте» соответствует эрзянское *авардемс* [14, 331].

В другом русско-эрзянском словаре читаем, что одно из значений «реветь – громко, судорожно плакать» – *авардемс*, *лажамс* [15, 487]. Лексикографические данные позволяют признать *авардемс* и *лайшемс* синонимами. В нижеприведенном фрагменте плача употребляются обе формы глагола – *лайшемс*, *авардемс* и выступают они в роли функциональных синонимов. Дочь просит, чтобы и сестра причитывала по родной матери: *Давай лайшетян(о) / Шкинъ аванок сэрензэ. / Аванок лайшиця вечкиль, / И кармавтыль, што / Кулан – лайшемзъ*. «Давай попричитаем / Над телом нашей матушки, / Наша матушка любила причитывающих, / Она, бывало, нам наказывала: / – Как умру я, оплачьте меня!» <...> *Мекс, сазоризм, а лайшат? / Мекс, дигинем, а жальят? / Давай, дугинем, лайшетян(о), / Давай, сазоризм, авардтян(о), / Миненек лади авардемс / Шкинень аванок кисэ, / Авардезь жальятан(о)*. «Почему, сестрица моя, не плачешь? / Почему, родная, не жалеешь? / Давай, сестрица, причитывать, / Давай, миленькая, поплачем, / Нам надо с тобой поплакать / По родной нашей матушке, / Причитаниями пожалеть ее» [17, 96].

Язык устно-поэтических произведений мордвы-эрзи отличают синонимические и тавтологические выражения, в частности присутствует синонимическое сочетание *лайшемс-авардемс*. Интерес представляет пример: *Остаткадо, авакай, / Лайшан-аварадян пря песэть. / Пек жалъне маряват*. «Последний раз, матушка моя, /

Причитываю-плачу у изголовья твоего. / Очень жаль мне тебя!» [17, 107]. В другом причитании дочь, оплакивая умершую мать, просит покровителей дома и хранителей домашнего очага не пугаться ее голоса, иступленного крика. Вопленица боится громогласными плачем и словами нарушить их покой: *Юртонь кирди, юртава, / Кардосярго, матушка, / Иля тандат шумнедень, / Иля соракадт вайгельдень! / Ох, авакай, корьмакай, / Ох, авакай, шкинекай! / Течинь чине, те чине / Кудонь кирди кудавасть / Стясь чоподава-зорява, / Яки-паки кудова: / Арась ялгазо. / Вачкодинзе кедензэ – / Кудавасть лайши-аварди, / Юртава мелявты.* «Хранительница двора, дворовая, / Кардосярго, матушка, / Не пугайся ты крика моего, / Не вздрогни от моего голоса! / Ох, матушка, кормилица, / Ох, матушка, родимая! / В день сегодняшний / Хранительница дома, домовая, / Поднялась рано, на зорюшке, / Горсть лучин взяла она в руки свои, / Ходит-похаживает по дому – / Нет у ней хозяйшки! / Всплеснула она руками, / Стала плакать-причитывать, / Стала хранительница двора печалиться» [17, 108–109].

Приведенный текст сохранил пережитки ранних форм религии, когда древняя мордва поклонялась различным силам природы: земле, воде, лесу, ветру, огню, покровителям жилого дома и хозяйственных построек. Характерной чертой эрзянских причитаний является ласковое, приветливое обращение к женским божествам. Печалью проникнуты не только родственники, но и высшие силы, скорбящие вместе с вопленицей. Утро играло важную роль в жизни мордовского крестьянина, ведь в те времена с появлением первых лучей солнца вставали и шли на работу. Описанное в языке фольклора утро отличается отсутствием главного действующего лица в доме – хозяйки, которая с восходом солнца начинает домашние дела.

В поминальном плаче в родительский день на кладбище чувства утраты, печали, тоски, одиночества дочери без матери выражаются глаголами *лажамс, авардемс* «реветь»: *А машиня лажа вайге-*

лем, / А ильвицня лажа валынем «Продолжаю голосить-причитывать, / Не прерываю плач скорбный мой!» <...> *Авакай, аволь лажась мон лажан, / Аволь авардезь авардян.* «Матушка, я не голосом голошу, / Не причетом причитываю» [17, 70–71]. Синонимичное словосочетание «голосить-причитывать», т. е. громко и нараспев плакать, передается в эрзянском языке выражением *лажа вайгелем*. В эрзянско-русском словаре находим словарные статьи к глаголам *лажадомс* и *лажамс*. Первый интерпретируется следующим образом: 1) зарыдать, заплакать, второй имеет значения: 1) оплакивать, причитать; 2) плакать [20, 325–326]. Двухязычный русско-эрзянский словарь русскому «голосить» приводит эрзянский эквивалент: 1) *пижнемс*; 2) (причитать) *лайшемс, рангомс, сееремс* [15, 104].

Тексты эрзянских причитаний не обходятся без глаголов, тесно связанных с миром природы, который оставляет в душе человека неизгладимый след. Растительные и животные символы являются непременными атрибутами лирических народных песен. В плачах встречаются образы птиц – соловья, кукушки, скворца, ласточки, а также растений – березы, яблони, груши, ивы, сосны и т. д. Мир животных окружает человека и настолько связан с ним, что вряд ли можно представить человека вне этого мира. Наверное, по этой причине мордва-эрзя ассоциирует плач с пением кукушки. Зооморфные метафоры традиционно используются в фольклорной картине мироздания, и свойства определенных животных выступают как вариант мифологического кода.

Кукование кукушки часто воспринимается как горестное причитание и оплакивание. Передает значение «плакать, горевать, причитать, жаловаться» эрзянское слово *кукордомс*. Появление такого символа в похоронных плачах отчасти объясняется тем, что по природе эта птица одинока – у кукушки нет пары. С другой стороны, характерный крик во время плача мог напоминать издаваемые кукушкой звуки. В причитании «Услышь меня, матушка» глагол *кукордомс* выступает в значении «оплакивать, причитать»: *Коён-*

до сайтян, авакай, **кукордомо**, / Коёндо кундтан, авакай, авардме. / Пиря ёндо **кукордтан**. / Марямака, авакай, / Прясо прячерь пенева, / Пильге ёндо авардтян. «Как мне, матушка, причитывать над тобой, / Как мне, матушка, оплакивать тебя? / С головы начну оплакивать тебя: / Услышь ты меня, матушка, / Кончиками волос на голове; / С ног начну тебя оплакивать» [17, 87–88].

Сопоставление плача со свойственными кукушке звуками строится на слуховых ассоциациях. В одном из причитаний в последний путь покойную провожают дети: *Весе, авакай, молить куко вайгель марто, / Писи сельведь марто. / Пиземек вельксэть кольгить, / Шта ладсо вельксэть нурьгить*. «Все, матушка, печально голосят они, как кукушки, / Обливаются горячими слезами, / Как дождем обливаются, / Как воск от огня тает-капает!» [17, 92]. Плачет вся семья от мала до велика. Горестные переживания передаются метафорами и сравнениями, через описание признаков живой и неживой природы, артефактов. Неживая природа включает в себя погодные признаки. Плач детей уподобляется дождевым потокам, каплям восковой свечи, стекающим горошинами. Большое количество изливаемых слез переосмысливается через образы неиссякаемого потока воды.

Причитание *Ух, авинем, тиринем* «Ох, матушка, родимая!» составляют грустные размышления дочери, потерявшей мать. Вопленица предвосхищает события собственной одинокой жизни: как нелегко будет девушке без родной матери и как тяжело ей придется без ласкового материнского слова. Ей стал не мил белый свет: «сердце наполнено горем, грудь полна тоски». Образы кукушки и соловья привлекаются для того, чтобы полнее выразить тяжелые душевные переживания. Повествование проникнуто драматизмом и лиричностью. Боль настолько велика, что ее не передать словами, «не объяснить за целую ночь, не выдохнуть глубоким вздохом, не разогнать горячими слезами»: *Сы тундонь мазы времена, / Сы тундонь мазы поране / Годовой покш праздник, – / Весе народ наряжавт, / А мон, авкай, корьмакай, / Тун-*

донь кукок карман кукордомо, / Тундонь цёковкс карман цёкордомо. / Те мазы моросонть несчастной пингем ютавтса. / Те мазы моросонть несчастной векем печтяса. / Седейнем пешксе горядо, / Потом пешксе тошнадо, / А чиненьгак ётавить, / А вененьгак кортавить, / А кувака укстазь уктавить, / А пси сельведьсэ паневить. «Придет весеннее красивое время, / Денечки пригожие наступят, / Придет большой годовой праздник, – / Весь народ принарядится, / А я, матушка, кормилица моя, / Как весенняя кукушка закукую, / Весенним соловьем запою! / В эту красивую пору / Несчастной будет жизнь моя, / В это красивое время / Буду коротать я несчастный свой век! / Мое сердце наполнено горем, / Грудь полна тоски. / Не рассказать их мне за целый день, / Не объяснить их мне за целую ночь, / И вздохом глубоким не выдохнуть, / И слезами горячими не разогнать» [17, 74].

Внутреннее напряжение причети создается благодаря умелому использованию параллелизма, при помощи которого нанизывание семантически и структурно схожих образных выражений дает эффект постепенного нагнетания эмоционального состояния. Антитеза является основным принципом организации образной системы причитания. Вопленица противопоставляет чужую и свою жизнь в ожиданием будущем.

Фольклорные тексты обнаруживают ряд мотивов, предопределяющих включение в состав устно-поэтических произведений фитонимических символов: названий деревьев и кустарников, травянистых, окультуренных и диких растений, ягод. Выявление семантики данных символов затрудняется их амбивалентностью. Береза имеет множество символических и метафорических значений. Особое место ей отведено в похоронных причитаниях – она наделяется признаком печали. Способностью к плачу в природе также обладают клен, бук, виноградная лоза: когда ранней весной начинается движение сока от корней вверх по стволу и он капельками просачивается через кору, говорят, что дерево «плачет». В причитаниях горестные слезы сравниваются с пла-

чем березы, проливным дождем: *Яват, корьмакай, родсто-племасто, / Ещѣ яват, диринем, тон велестэ-сядосто. / А минь, авакай, килейкс велькссэть кольгтяно, / А минь, корьмакай, виев пиземекм валтано.* «Оставляешь, кормилица, род-племя свое, / Еще расстаешься, матушка, с селом-общиною, / А мы, матушка, плачем, как береза сочится, / А мы кормилица, как сильный дождь, слезы льем» [17, 92]. Береза применяется в похоронном обряде: ее листьями набивали подушку покойника, ветками и листьями устилали дно гроба, из веток также изготавливали веники. После выноса тела покойника избу с целью «очищения» окропляли с помощью такого веника водой.

В причитании *Ох, и раужо кулома!* «Ох, эта черная смерть!» исполнительница стремится к поэтической идеализации образа покойной, сравнивая ее с белоствольной березой, стройной елью, отборными ячменными зернами и звенящим колокольчиком. Подобные выражения воспринимаются как высшая эмоциональная оценка внешности усопшей: *Пингенезэнек эрятан(о), / Векезэнек аштетян(о), / А не-тядызь лиси ней чинесь, / А светадызь моли ковань, / А валги пирязонк лембе росыне, / А ули тыненк лембе росыне, / Пингенезэнек эрятан(о) / Векенезэнек аштестан(о), / Сэрей конь ланг озастан(о), / Весе Росси-янтъ ютастан(о), – / А несынек виде килей сэринеть, / А несынек куз мадамо рунгинеть, / А марясынек гайги баяга вайгелеть, / А кунсолосынек кочкань вишкетъ валынетъ.* «Пусть целую жизнь проживем, / Пусть целый век проведем, / Не увидит восходящее солнце вас, / Не осветит закатывающаяся луна, / Не упадет на ваши головы роса, / Не будет для вас теплой росы. / Хоть целую жизнь проживем, / Хоть целый век проведем, / Хоть на высокого коня сядем, / Пусть всю Россию объедем, – / Не увидим тебя – прямую березу, / Не увидим стройную ель. / Не услышим голос твой – колокольчик звенящий, / Словечки твои – отборные ячменные зерна» [17, 120]. В приведенном фрагменте подчеркивается, что есть граница между мирами живых и мертвых. Вопленица рисует обитель умерших, где не восходит солнце

и не заходит луна, не спадает роса. Смерть обозначает уход из мира живых и вечную разлуку с близкими. Трагизм вечной разлуки здесь, на земле, сильнее всего выражался в причитаниях – через них ярче выявлялись чувства окружающих.

В момент кончины за душой приходит некое мифическое лицо – Смерть. По воззрениям мордвы-эрзи, ее посылает бог Нишке-паз: *Ужо пеняцян, Нишке-паз, / Ужо пеняцян, Вере паз: / Тон кода кучик, / Нишке-паз, куломанть? / Тон кода кучик, / Вере паз, ёмамонть?* «Попеняю на тебя я, Нишке, / Пожалуюсь тебе, всевышний: / Зачем ты послал, / бог Нишке, смерть? / Зачем ты послал, / Вышний бог, погибель?» [17, 160].

В похоронном причитании *Ух, авинем, тиринем* Смерть представлена в образе антропоморфного существа: *Мезень кулома, авакай, саинзеть? / Аздан каршо вастынзеть, / Незнай мельга сасынзеть? / И саинзе раужо куломась / Кавто пильге вийнетъ, / Кавто кудьсэ кедь вийнетъ, / Рунго видьга костинзеть, / Рунго видьга синдинзеть. / Грушинешка кадызе, / Мазый умарь чаминеть. / Раужо кулома костинзеть, / Коське чевнекс костизе рунгинеть, / Каль тарадокс костинзе / Кавто кунды кединеть, / Каль цюцёвнекс пуштынзе / Кавто кедень кемень сурынеть.* «Что за смерть взяла тебя, матушка? / Не знаю, сзади ли тебя догнала? / Отняла черная смерть / Силушку двух ног твоих, / Силушку двух рук твоих, / Иссушила она грудь твою, / Надломила тебя. / Как груша сухая, твое личико сморщилось, / А было оно красивое, как яблоко. / Черная смерть извела тебя, / Как сухую лучину, высушила тело твое, / Словно ветку, высушила / Две твои живые руки. / Как ивовые сережки, / Завяли десять пальчиков на твоих руках!» [17, 74]. Некая таинственная сила лишает организм жизни. Нельзя не заметить, что образ создается посредством соматической и фитонимической лексики. Смерть характеризуется, как правило, эпитетами *раужо* «черная», *страшной неяви* «страшная», *а мазы* «безобразная», а также «смерть-душегубица».

Плачущая дочь обращается к умершей матери: *Ней корты келеть а корты, / Ней*

сельметь тонь а неить! <...> Ней уш а ёв-тасак: / Корты келеть а корты. / Ваньнь, ваньнь эземь кувалт – / Эзить кепеде тон кедеть, / Эх, эзик сыржавто тон пирят, / Матевидеть-удовить, / Вечной удомсо тон удам! «Теперь говорящий твой язык не говорит, / Теперь глаза твои не видят! <...> Теперь уж с нами ты не беседеуешь, Говорящий язык твой не говорит. / Смотрела, смотрела я вдоль лавки, / Не шевельнула ты руками, / Не приподняла свою головушку, / Заснула-задремала ты, / Вечным сном спишь!» [17, 32]. Народные представления о смерти происходят из наблюдений за мертвым телом. К очевидным признакам отсутствия жизни относятся безмолвие, невыполнение действий, характеризующих живого человека: *келеть а корты, сельметь тонь а неить, эзить кепеде тон кедеть, эзик сыржавто тон пирят*. В приведенном фрагменте подчеркивается, что мертвая не может находиться рядом с живыми, поскольку теперь принадлежит иному миру, лишена зрения и речи, поэтому не видит оплакивающих ее родственников, не вступает в диалог. Немота и слепота, по словам Л. Г. Невской, становятся изосемантическими отсутствию души, а все вместе – метафорой смерти [11, 126]. Подобной точки зрения придерживается и С. В. Николаева, считая глухоту и немоту специфическими приметами именно загробного мира [12].

Мертвые отделены от живых непреодолимой преградой: *Зярдояк ней уш а нейтядызь, / Зярдояк ней уш а васттадызь, / Костояк мельга ютамсто а сасатадызь, / Каршо ютамсто а васттадызь, / Зярдояк вастома ней уш мартот а ули!* «Никогда теперь не увидим тебя, / Никогда с тобой не повстречаемся, / Встреч с тобой больше не будет!» [17, 33]; *Тон туят ськамот, / А минь лиядтан (о) ламонек*. «Ты одна уходишь от нас, / А мы здесь все останемся» [17, 35]. Живым не дано знать, что происходит на том свете, а ушедшие в мир иной имеют возможность наблюдать за происходящим на земле: *Тосто минь а карматано содамо, / Кодамо ули тосо тонь таркат. / Содавлинекак, берянь, / Эрьва ладсо жалявлидизь. / Минденек тон кармат содамо.*

«Оттуда не будет вестей от тебя, / Мы не будем знать, где ты будешь там! / Если б знали, что плохо тебе, / Всячески пожалели бы тебя! / А ты о нас будешь знать, / Как живем мы здесь [на земле]» [17, 37].

Бытует представление о том, что покойный, даже уже «покинутый душой», сохраняет способность видеть, слышать, ощущать некоторое время после собственно физической смерти, очевидно, до окончательного перехода в иной мир. Изменение, так сказать постепенное «омертвление», происходит по мере приближения ко времени (и месту) захоронения (т. е. к могиле) [12].

В текстах похоронных причитаний употребляются метафорические замены типа *вечной тарка* «вечное житье», *вечной эрямо* «вечная жизнь», *вечной кудо* «вечный дом», что может быть обусловлено различными табу, связанными с обрядами. Слова «смерть», «умерший(-ая)», «гроб» были запрещены и почти не встречаются в похоронных плачах: *Матевидеть-удовить, / Вечной удомсо тон удам!* «Заснула-задремала ты, / Вечным сном спишь!».

Заключение

На почве древних верований сформировалась удивительная поэзия, которая передает переживания человека в самые трагические моменты его жизни и является одним из способов общения с уходящими на тот свет. Эрзянская традиция причитания – самобытное явление, которое органично вписывается в картину мирового культурного наследия. Причеты проникнуты необычной красотой, в них выражаются нежные чувства любви, безутешной тоски и скорбь. Плачи-причитания, в которых в метафорической форме кодируются смыслы смерти и перехода в инобытие, имеют наиболее драматизирующую структуру. Они отличаются богатством и колоритностью языка, насыщенного развернутыми поэтическими образами, специфическими метафорами и эпитетами. Подобные фольклорные тексты представляют собой богатый материал для постижения этнической ментальности и выявления базовых констант народной культуры.

Поступила 12.06.2017

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеевский М. Д. Проблема классификации похоронно-поминальных причитаний // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: материалы Пярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург, 2006. С. 129–132.
2. Алексеевский М. Д. Севернорусские похоронно-поминальные причитания как акт коммуникации: к вопросу о прагматике жанра // Рябининские чтения—2007: материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 267–270.
3. Богдашкина С. В. Поэтическая лексика мокша-мордовских похоронных причитаний // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 3. С. 128–131.
4. Ваганова Е. Н. Эрзянские похоронные причитания как национально-культурный феномен // Шестые Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в начале XXI столетия»: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 26–27 февр. 2013 г.: в 2 ч. Челябинск, 2013. Ч. 1. С. 21–25.
5. Данченкова Н. Ю. Традиционные причитания Владимирской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1997. 25 с.
6. Ермаков Н. Эрзянские причитания: традиция бытования и современное состояние. Таллинн, 2014. 176 с.
7. Кавтаськин Л. С. Предисловие // Устное поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. Т. 7, ч. 1: Эрзянские плачи-причитания. Саранск, 1972. С. 5–20.
8. Конка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1992. 295 с.
9. Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. Москва, 2004. С. 661–705.
10. Невская Л. Г. Балто-славянские причитания: Реконструкции семантической структуры. Москва: Наука, 1993. 240 с.
11. Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. Москва, 1999. С. 123–134.
12. Николаева С. В. Пение и отпевание в традиционной культуре восточных славян. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/nikolaeva1.htm> (дата обращения: 14.02.2017).
13. Рогачев В. И., Шуляев А. Д., Богдашкина С. В., Ваганова Е. Н. Обряды и фольклор мордвы-мокши: теория и практика проблемы (по фольклорно-этнографическим материалам Zubovo-Полянского района Республики Мордовия) / МГПИ им. Евсевьева. Саранск, 2012. 381 с.
14. Русско-эрзянский словарь / под общ. ред. М. Н. Коляденкова, Н. Ф. Цыганова. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1948. 413 с.
15. Русско-эрзянский словарь / сост. О. Г. Борисова, М. Н. Живаева, Н. В. Казаева и др. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2012. 624 с.
16. Толстая С. М. Обрядовое голошение: семантика, лексика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. Москва, 1999. С. 135–148.
17. Устное поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. Т. 7, ч. 1: Эрзянские плачи-причитания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. 374 с.
18. Чистов К. В. Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) // Фольклор. Текст. Традиция. Москва, 2005. С. 186–199.
19. Шамова Л. Н. Причетные формы мордвы-эрзи Присурья: монография / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2016. 239 с.
20. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. Москва: Рус. яз.; Дигора, 1993. 803 с.
21. Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1952. 453 s.
22. Harva U. Mordvalaisten muinaisuusko. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1942. 292 p.
23. Honko L. Itkuvirsirunous // Suomen kirjallisuus. Helsinki, 1963. S. 81–128.

POETIC LANGUAGE IN MORDVA-ERZYA LAMENTATIONS OF FUNERAL CYCLE

VAGANOVA Elena N.,

Candidate Sc. (Philology), Associate Professor, Department of German Philology,
Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), waganowa@mail.ru

Introduction. The research problem of the phenomenon of the funeral lamentations, particularly through the study of the folklore language, is one of the most topical ones due to the folklore being a real repository of the information about history, ethnography, beliefs, customs, national psychology and behavior, as well as human values. The object of the article is lamentations texts of funeral cycle; the subject discusses the most expressive poetic means, the typical range of the poetic images of Erzya funeral cycle referring to the ethnographic context. The article aims at studying the poetic features of the Mordva-Erzya funeral lamentations, some poetic and stylistic devices, the figurative devices, the semantics of the verbs associated with the deplorable culture. The article can be used to for courses in oral folk art and poetics.

Materials and Methods. The study combines methods of descriptive and comparative analysis. The empirical data is based on established folklore collections with the historical, cultural and scientific value which are borrowed from the oral poetic culture of Mordovian peoples.

Results and Discussion. The paper is making an attempt to identify the most typical verbs associated with the deplorable culture that predominate in this field as the folk-linguistic picture of the world. The folklore works used for the research are undoubtedly the indisputable evident base for the understanding of the mentality of Mordovian ethnic group, and the identification of the basic constants of Erzya culture, as they preserve the traces of the phenomena of life and culture disappeared from our consciousness forming "confession of the peoples".

Conclusion. In the poetic structure of the Mordva-Erzya lamentations the Mordovian peoples' poetic talent is reflected in the verbs that indicate a particular form of audio behaviour: *лайшемс/laišems*, *авардемс/avardems*, *лажамс/lajams*, *кукордомс/cucordoms*; in the pairs of synonyms: *лайшемс-авардемс/laišems-avardems*; in the synonyms and tautological combinations using the images of birds and plant symbols, the metaphorical substitutions, such as: *вечной тарка* "the eternal life", *вечной эрямо* "the eternal life", *вечной кудо* "the eternal home".

Key words: Lamentations; Mordva-Erzya; folklore; spiritual culture of the people of Mordovia; figurative-expressive means; metaphor; epithet; antithesis; comparison.

For citation: Vaganova EN. Poeticheskii iazyk erzianskikh prichitanii pokhoronno-pominal'nogo tsikla [Poetic language in mordva-erzya lamentations of funeral cycle]. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017; 2: 111–122. (In Russian)

REFERENCES

1. Alekseevskii MD. Problema klassifikatsii pokhoronno-pominal'nykh prichitanii [On the Problem of Classification of Funeral Laments]. *Problemy klassifikatsii, tipologii, sistematizatsii v etnograficheskoi nauke: materialy V Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* = Problems of classification, typology, systematization in ethnographic science: Proceedings of 5th Saint Petersburg Ethnographic Readings. Sankt-Peterburg; 2006: 129–132. (In Russian)
2. Alekseevskii MD. Severnorusskie pokhoronno-pominal'nye prichitaniiia kak akt kommunikatsii: k voprosu o pragmatike zhanra [Russian funeral keening of the North as the act of communication: to a question about the pragmatics of genre]. *Riabininskie chteniia–2007: materialy V nauch. konf. po izucheniiu narodnoi kul'tury Russkogo Severa* = Proceedings of Ryabinin Readings–2007. Petrozavodsk; 2007: 267–270. (In Russian)
3. Bogdashkina SV. Poeticheskaiia leksika moksha-mordovskikh pokhoronnykh prichitanii [Poetic vocabulary in Moksha-Mordovian funeral lamentations]. *Gumanitarne nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education; 2015; 3: 128–131. (In Russian)
4. Vaganova EN. Erzianskie pohoronnye prichitaniiia kak natsional'no-kulturnyi fenomen [Erzya funeral lamentations as national and cultural phenomenon]. *Shestye Lazarevskie chteniia «Liki traditsionnoi kul'tury nachala XXI stoletiiia»: materialy mezhdunar. nauch. konf.* = The Sixth Lazarev Readings: the Faces of the traditional culture in the early 21st century: proceedings of international conf. Chel'iabinsk; 2013: 21–25. (In Russian)
5. Danchenkova NYu. Traditsionnye prichitaniiia Vladimirskoi oblasti: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk [The traditional lamentations of the Vladimir region. Abstract of cand. philol. sci. dis.]. Moskva; 1997. (In Russian)
6. Ermakov N. Erzianskie prichitaniiia: traditsiia bytovaniia i sovremennoe sostoianie [Lamentations of Mordva-Erzya: on the problem of the existence and current state]. Tallinn; 2014. (In Russian)

7. Kavtas'kin LS. Predislovie [Preface]. *Ustnoe poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: v 18 t. T. 7, ch. 1: Erzijskie plachi-prichitanii* = Oral-poetry of the Mordva: in 18 volumes. Vol. 7, p. 1. Erzya Lamentation. Saransk; 1972: 5–20. (In Russian)
8. Konka US. Poeziia pechali. Karel'skie obriadovye plachi [Poetry of sadness. Karelian ceremonial crying]. Petrozovodsk; 1992. (In Russian)
9. Kreml'ova IA. Pokhoronno-pominal'nye obychai i obriady [Funeral and Memorial Customs and Rites]. *Russkii Sever: etnicheskaia istoriia i narodnaia kultura XII–XX veka* = Russian North: ethnic history and national culture of the 12–20th century. Moskva; 2004: 661–705. (In Russian)
10. Nevskaia LG. Balto-slavianskie prichitanii: Rekonstruktsii semanticheskoi struktury [The Balto-Slavic Lamentation: Reconstruction of its Semantic Structure]. Moskva; 1993. (In Russian)
11. Nevskaia LG. Molchanie kak atribut sfery smerti [Silence as an Attribute of the Sphere of Death]. *Mir zvuchashchii i molchashchii: Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavian* = The world sounding and silent: The semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs. Moskva; 1999: 123–134. (In Russian)
12. Nikolaeva SV. Penie i opevanie v traditsionnoi kul'ture vostochnykh slov'an [Singing and burial service in traditional culture of East Slavs]. Available from: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/442.html> (accessed 14.02.107). (In Russian)
13. Rogachev VI, Shuliaev AD, Bogdashkina SV, Vaganova EN. Obriady i fol'klor mordvy-mokshi: teoriia i praktika problemy (po fol'klorno-etnograficheskim materialam Zubovo-Polianskogo raiona Respubliki Mordoviia) [Ceremonies and folklore of Mordva-Moksha: theory and practice (based on folklore and ethnographic materials from Zubovo-Poliana area of Mordovia Republic)]. Saransk; 2012. (In Russian)
14. Russko-erzijskii slovar' [Russian-Erzya dictionary]. Moskva; 1948. (In Russian)
15. Russko-erzijskii slovar' [Russian-Erzya dictionary]. Saransk; 2012. (In Russian)
16. Tolstaia SM. Obriadovoe goloshenie: semantika, leksika, pragmatika [Ritual Lamentation: Vocabulary, Semantics and Pragmatics]. *Mir zvuchashchii i molchashchii: Semiotika zvuka i rechi v kul'ture slavian* = The world sounding and silent: The semiotics of sound and speech in the culture of the Slavs. Moskva; 1999: 135–148. (In Russian)
17. Ustnoe poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: v 18 t. Vol. 7, P. 1. [Oral-poetry of the Mordva]. Saransk; 1972. (In Russian)
18. Chistov KV. Prichitanii u slavianskikh i finno-ugorskikh narodov (nekotorye itogi i problemy) [Lamentations of the Slavic and Finno-Ugric peoples (some results and problems)]. *Fol'klor. Tekst. Traditsiya* = Folklore. Text. Tradition. Moskva; 2005: 186–199. (In Russian)
19. Shamova LN. Prichetnye formy mordvy-erzi Prisia: monografiia [Lament forms of the Mordvins-Erzya of the Sura region]. Saransk; 2016. (In Russian)
20. Erzijsko-russkii slovar' [Erzya-Russian dictionary]. Moskva; 1993. (In Russian)
21. Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki; 1952. (In German)
22. Harva U. Mordvalaisten muinaisuus. Porvoo; Helsinki; 1942. (In Finnish)
23. Honko L. Itkuivirsirunous. *Suomen kirjallisuus*. Helsinki; 1963: 81–128. (In Finnish)